

[Polaris]

**МАРК
БАСАНИН**

АЛИС

Фантастическая
повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXXII

Salamandra P.V.V.

**МАРК
БАСАНИН**

АЛИС

Фантастическая повесть

Salamandra P.V.V.

Басанин М. (Лашеева Л. А.)

Алис: Фантастическая повесть. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 54 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXXII).

Встреча с таинственной красавицей Алис становится роковой для романтического студента и богатого наследника Бориса Палтова. «Алис», небольшой триллер с мистической составляющей — единственное известное фантастическое произведение прозаика и переводчицы Л. А. Лашеевой (1862-1941), автора бытописательских романов и рассказов, многодетной матери — и при этом эмансипантки, путешественницы и велогонщицы, выступавшей в печати под «мужским» псевдонимом «Марк Басанин».

МАРКЪ БАСАНИНЪ.

А Л И С Ъ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго склада «Родина»

1894.

АЛИС

Фантастическая
повесть

Палтов встал поздно. Всю ночь он проворочался в постели, тщетно стараясь заснуть, и только под утро забылся тяжелой дремотой. Первая мысль его была о вчерашнем происшествии. То, что произошло вчера, всецело занимало его, и он горел желанием поскорее поделиться с кем-нибудь из приятелей своими впечатлениями. Одевшись и почти не притронувшись к стакану жидкого и остывшего чаю, поданного ему на подносе горничной, он лениво и небрежно написал два необходимых деловых письма и рассеянно прочел телеграмму от своего московского поверенного, уведомлявшего, что ввод во владение крупным наследством, которое получал Палтов, должен состояться на днях и что, если он нуждается в деньгах, требуемая сумма может быть переведена немедленно.

В другое время Палтов порадовался бы такому известию, но теперь он остался к нему равнодушен. Он попробовал читать, но книга показалась ему не занимательной. Тогда он решил прогуляться до обеда. Но скоро вернулся и снова погрузился в размышления. Съев на скорую руку и без аппетита обычный ресторанный обед, он уселся в углу дивана и стал изыскивать способы, как бы рассеяться и прогнать от себя скуку.

В меблированных комнатах царила ненарушимая тишина. День был праздничный. Жильцы, по-видимому, разбрелись кто куда. Вдруг раздался звонок, и Палтов вздрогнул от неожиданности.

Вошел товарищ его Гординский и, молча поздоровавшись с ним, уселся рядом на диван.

И Палтов и Гординский кончали университет. Оба шли хорошо. Палтов аккуратно посещал лекции и с

точностью записывал их. Гординский ленился, но перед экзаменами хватался за книги и наверстывал пропущенное. Они были большими друзьями, несмотря на очевидное несходство характеров.

Палтов, благовоспитанный, мягкий по натуре, чувствительный и склонный к мечтательности, и по внешности резко отличался от приятеля. Он был среднего роста, хорошо сложен, строен и ловок, мягкие пряди каштановых, шелковистых, тонких волос обрамляли его большой выпуклый лоб, имевший в себе что-то детское, лицо у него было красивое, матово-бледное, освещенное большими лучистыми карими глазами, с резко обозначенными бровями и с яркими пунцовыми губами, едва прикрытыми темными пушистыми усами. На лице его редко появлялась улыбка, но и тогда выражение его глаз оставалось серьезным, почти грустным. Он был из хорошей помещичьей семьи, получил порядочное домашнее воспитание, владел двумя иностранными языками и недурно играл на рояле.

Гординский был высок и сутуловат. В движениях и во всей фигуре его было что-то угловатое и неуклюжее. Тем не менее, он производил выгодное впечатление, и некрасивое, умное, добродушно-насмешливое лицо его с рыжеватыми усиками и бородкой, с острыми, несколько холодными серыми глазами и горбатым польским носом — он происходил из польской семьи — могло нравиться.

Приятелей связывали художественные наклонности; оба были эстеты по натуре, идеалисты, поклонники прекрасного. Палтов обожал музыку. Гординский выше всего ставил живопись и мечтал о карьере художника.

Несколько минут прошло в глубоком молчании. Гординский первый решился нарушить его.

— Извольте мечтать? — спросил он своим обычным насмешливым тоном, который он усвоил себе по отношению к приятелю.

— Если хочешь, да, мечтаю, — ответил с тихой улыбкой Палтов.

— Какая-нибудь прекрасная незнакомка похитила ваше сердце? — продолжал подсмеиваться Гординский.

— Вот именно, прекрасная и незнакомка, — согласился Палтов.

— Интересно, — протянул Гординский и прибавил: — разумеется, брюнетка, жгучие, темные глаза, смуглая кожа...

— А ты почему знаешь?

— Чудак-человек, потому, что тебя знаю.

— А вот и не угадал. Совсем не такая. И что за пошлость: глаза, волосы. Глаза и волосы у всех есть — дело не в них.

— Ну, еще бы! Ты уж, конечно, разглядел душу своей богини, идеалист!

— А ты — циник! Тебе было бы только тело! Больше ничего не нужно.

— Ах, милейший Борис Петрович, да ведь тело-то футляр души, и если я вижу, что футляр хорош, могу я предполагать, что заключенная в нем душа драгоценность?

— Ну, уж если ты так заинтересовался футляром, ты вряд ли сумеешь оценить то, что в нем находится, или, яснее сказать, тебя можно всегда надуть, подсунув тебе дрянную безделку в красивой коробке.

— Тэк-с, а вас надуть нельзя и потому вы не сомневаетесь насчет вашей красавицы, так как узнали ее душу и уверены, с такой душой она не может быть некрасива.

— Как ты надоел мне! Душа, душа! Я говорю про индивидуальность. Впрочем, я не хочу больше говорить с тобой об этом предмете. Хочешь чаю?

— Желаю. Но не соблаговолите ли сообщить некоторые подробности о вашем предмете?

— Да ведь тебе покажется мое приключение самым обыкновенным, и ты только расхолодишь меня.

— Заранее даю слово считать это приключение самым необыкновенным из всех, когда-либо тобою испытанных.

Палтов позвонил, приказал вошедшей девушке подать самовар и, сев снова на прежнее место, начал:

— Вот что со мной случилось вчера. Поехал я вечером от нечего делать в Зоологический сад. Погода отличная, народу собралось много. В саду светло, как днем, хорошеньких пропасть, толпа такая нарядная, празднично настроенная. Но мне было скучно. Потолкался-потолкался, однако вижу, мне не веселее, а еще хуже стало. Поеду-ка, думаю, лучше домой. Вышел я из сада и тихонько иду себе. Ехать мне не хотелось, и я решил пройтись. Но не успело это решение окончательно созреть в моей голове, как поравнялся я с дремавшим извозчиком. Он вдруг встрепенулся и сказал:

— По пути, барин. Довезу, недорого возьму.

— Да может быть, не по пути? — говорю я.

Извозчик повеселел и, усмехаясь, сказал:

— По пути, верно знаю, по пути. Садитесь, сделайте милость.

Я сел. Красноватый свет фонарей полосами падал на мостовую и освещал толстые стволы деревьев и зеленые перекладины барьера. Позади раздался звучный топот копыт и мимо меня пронеслась легкая коляска на резинах с парой горячих коней. Красивая молодая барышня мельком взглянула на меня. От меня

не ускользнула ее насмешливая улыбка, и я успел разглядеть тонкую и стройную фигуру незнакомки.

— Вот, догони! — вырвалось у меня невольно, и я указал извозчику на удалявшийся экипаж. Тот принялся нахлестывать свою клячу, но я скоро догадался, что на ней далеко не уедешь. Мысленно я обозвал себя мальчишкой и приказал извозчику не гнать лошадь. В самом деле, не глупо ли было преследовать неизвестную особу. Если это порядочная девушка — я уверен, что она девушка, — это ни к чему бы не повело, если нет, — это повело бы к тому, что мне было отлично известно и что в данный момент не представлялось мне вовсе заманчивым. Так рассуждал я. Но представь, в конце аллеи, ведущей к Троицкому мосту, я вдруг замечаю у фонаря экипаж моей незнакомки. Едва я поравнялся с ней, она обернула ко мне смелое и прекрасное лицо и с властным оттенком в голосе сказала, похлопывая затянутой в перчатку ручкой по сиденью своей коляски:

— Бросьте вашего извозчика, садитесь сюда.

— Можешь себе представить мое изумление или, скорее, недоумение?

— Действительно, не совсем обыкновенное приключение, — произнес, закуривая папиросу, Гординский, — хотя следует прежде узнать, что было дальше.

— Слушай. Я недолго колебался, отпустил своего извозчика и пересел к ней. Коляска помчалась. Только теперь я мог хорошо разглядеть ее. Она была молода и очень хороша, в ней была какая-то пленительная свежесть и нежность. Ленивые, сладострастные, восточные глаза ее мерцали бархатным светом. Длинные брови были немножко подрисованы, но сами по себе они были такого тонкого рисунка и так изящно надломлены, что не нуждались в этом. Она была стройна и высока, по крайней мере, наши головы находились на

одном уровне, и мне казалось, что от щек ее веет зноем и что мелкие кудри вокруг ее лба завились сами собой от этого внутреннего огня.

— Браво, Борька! — воскликнул Гординский. — Ты прекрасно описал свою красавицу, и если она действительно такова, то, ей-Богу, в нее не грех влюбиться. Я непременно попробую написать ее портрет и потом спрошу тебя, насколько близко он подходит к оригиналу. Раньше я не замечал в тебе таких способностей к описанию. Теперь я отлично знаю, что именно тебе может нравиться в женщине. Знаешь ли, пробегая произведения писателей, я всегда сразу определял, какой женский тип нравится тому или другому автору. Один любит блондинок и с особенной любовью описывает нежность кожи и прелесть голубых глаз. Другой выведет палящую брюнетку. Но редко кто умеет действительно хорошо описать наружность своей героини. Обыкновенно никто дальше волос, глаз и роста не идет. Нет, ты мне улови самые отличительные признаки, характеризующее натуру женщины. Кой черт мне в том, что у такой-то Марьи Петровны серые глаза! Да у миллионов женщин они серые. Тургенев, например, распишет тебе красавицу с подробностями, кажется, до мелочей, и тонко и художественно. Ты и чувствуешь, что она и правда, красавица, но и только. А главного, настоящего и нет. Достоевский — тот на это молодец: — он лица и не коснется, а хватит так, будто бритвой резанет. Два-три мазка, и ты знаешь человека, видишь его, понимаешь его. Вот и тебе посчастливилось, если только ты не приврал, или, как принято выражаться, не идеализировал свою спутницу. Что же она говорила?

— Она спросила меня, что я думаю о своем приключении. Я ответил, что во всяком случае не позволю себе подумать ничего лишнего. Она рассказала мне, что

живет всегда в Москве, в Петербург приехала на время, вполне обеспечена и отделена, имеет много родных, с которыми в холодных отношениях и предпочитает жить одна и не стеснять себя. Она говорила спокойно и непринужденно, но только о себе, и мне не предложила ни одного вопроса. Я не захотел оставаться в долгу и рассказал ей про себя, что мог.

— Это все прекрасно, — прервала она меня, очевидно, не слишком интересуясь моей биографией, — но, знаете ли, я голодна и мне кажется, было бы недурно поужинать.

— Я не прочь, — ответил я. — У меня найдется рублей шесть, этого нам хватит.

Она чуть-чуть усмехнулась.

Мы остановились у ярко освещенного подъезда ресторана. Половой провел нас в отдельный кабинет, зажег два канделябра на накрытом, сверкавшем хрусталем столе, суетливо поправил скатерть, отодвинул стулья и подал карточку. Спутница моя, не считая нужным руководиться ею, очень толково и привычно заказала ужин, заключив довольно сложное и изысканное меню сыром, фруктами, ликером и черным кофе. Мне вдруг стало досадно.

— Послушайте, — сказал я, едва удалился половой, — я, кажется, вас предупредил, сколько у меня денег. Я вовсе не желаю ужинать на ваш счет.

— Я еще того менее, — отвечала она. — Мне просто хочется есть, я сегодня не обедала.

Она подошла к большому трюмо и стала медленно развязывать ленты шляпы. Я заметил, что она отлично одета: просто, даже скромно и дорого. Черное, гладкое, без излишней отделки платье ее, казалось, составляло часть ее самой и обрисовывало ее гибкую, стройную фигуру. Она поправила свои волосы, расчесала кудряшки на лбу маленькой черепаховой гребеночкой,

которую вынула из кармана, и, вернувшись к столу, произнесла с веселой улыбкой:

— Ну как вам не совестно? Неужели вам хочется испортить мне аппетит? Наконец, если уж вы такой щепетильный, никто не мешает вам съесть на ваши шесть рублей, что, право, достаточно, чтобы быть сытым. — Уверяю, — вы не хотите понять меня.

— Прекрасно понимаю, но, право, об этом не стоит говорить.

Человек вернулся с подносом, нагруженным закусками и бутылками и, поставив его на стол, удалился.

— Вы обещаетесь быть умником и не портить мне вечера? Иначе, честное слово, я исчезаю.

— Обещаю.

Она села в кресло к столу, налила мне и себе в высокие, тонкие рюмки вина и весело сказала:

— Ну, чокнемся!

Мы принялись ужинать. Она ела с какой-то особенной, свойственной ей манерой, вкусно и с завидным аппетитом; время от времени, подкладывая мне куски на тарелку и все посмеиваясь, причем смеялось не лицо ее, а одни глаза, темные, глубокие, загадочные, в которых теперь горел какой-то задорный и, как мне казалось, зловещий огонек. Разговор у нас как-то не вязался. Сказать по правде, я не знал, как себя держать с ней. Понемногу она завладела моими симпатиями и я начинал понимать ее. Я уже не сомневался, что передо мной была барышня, настоящая барышня, пожалуй, из очень хорошей семьи. Ее самоуверенные и покойные манеры обличали человека самостоятельного; ни в ее лице, ни в ее фигуре, ни в ее речи, ни в туалете не было ничего того, что бьет на дешевый эффект, а ее властный вид мог разве только испугать уличных ловеласов. Я сидел молча и думал о ней. Она одинока, богата, независима, кроме того, она

горда и умна. Мелочи и игрушки давно перестали удовлетворять ее; слишком рано обнаружилось перед ней все людское ничтожество; с родными, как она говорит, отношения холодные, знакомые — все неинтересные, самые обыкновенные и скучные люди, — жизнь однообразная, довольная, сытая, но и только. Тягостное чувство одиночества по временам, должно быть, становится ей невыносимо. Она заметила меня, заключила по моей внешности, что я человек порядочный и решилась на маленькую шалость в надежде на развлечение. Вот и объяснение моего странного приключения. Думая так, я смотрел в ее сверкающие глаза, подливал ей вина и каждый раз невольно вздрагивал от ее звонкого смеха. Тонкий аромат духов кружил мне голову и я мало-помалу поддавался обаянию ее красоты. Тем не менее, я чувствовал, что мое увлечение поверхностно и непрочно. Я хорошо знаю женщин, почти всегда мне удается сразу определить свои будущие отношения к каждой новой знакомой. Но таких женщин я еще не встречал. Она привлекала меня и пугала. Все-таки наша встреча была слишком необыкновенна, и я никак не мог найти с ней подходящего тона. Она нисколько не стеснялась меня, я это видел, и если молчала, то только потому, что не хотела вести пошлый разговор, а может быть, просто не хотела мешать мне думать.

— А ведь я и не знаю, как зовут вас? — сказал я.

— Как меня зовут? — переспросила она. — В самом деле, ведь вы не знаете. Зовите меня Алис!

— Это ваше имя?

— Не все ли равно, как меня зовут?

— Я постараюсь узнать ваше настоящее имя.

— Это не так трудно, как вы думаете. Признайтесь, вы приняли меня за одну из этих дам?

— Принял, но теперь этого не думаю.

— Это все равно, что вы думаете. Однако я устала. Поедьте. Я доведу вас до вашей квартиры.

— А вы где живете? — поспешил я спросить, пользуясь представившимся случаем.

— На Большой Морской, в аптеке. Я вам говорила, что я — москвичка и здесь только на некоторое время. Я вижу, вам очень хочется узнать мой адрес.

— Очень, признаюсь.

— Теперь я не нахожу удобным сообщать вам его, но позднее напишу вам. Приходите непременно Слышите?

Она позвонила, заплатила свою долю, я — свою, что, кажется, даже шокировало «человека», и мы вышли из ресторана,.

— Куда же везти вас? Где вы живете? — спросила она, садясь в экипаж.

— На Гороховой.

— А! это близко.

Когда лошади остановились у подъезда наших меблированных комнат и я стал выходить, она вдруг сказала:

— Я обещала написать вам. А ведь я не знаю вашего имени.

— Моя фамилия Палтов, я уже рекомендовался вам, но вы, должно быть, не расслышали.

— Палтов! — воскликнула она. — Вы Борис Палтов? Это правда?

Я был поражен эффектом, который произвела моя фамилия, а еще более, что она знает мое имя.

Но прежде, чем я нашелся что-нибудь сказать и попросить объяснения, она кивнула мне головой, промолвила — «до свидания» — и коснулась зонтиком плеча кучера. Коляска покатила. Что ты думаешь о всем этом, Гординский?

— Что я думаю? — равнодушно протянул тот. — Я думаю, голубчик мой, что в Петербурге очень много известного сорта женщин, прикрывающихся псевдонимом Алис, что твоя Алис одна из них, и что она именно та щука, которая живет в море, чтоб карась не дремал. Карась — это ты.

— Благодарю. Что же я, дурак, по-твоему, или уж такой мальчишка, что меня ничего не стоит провести?

— Что тебя легко провести, в этом я не сомневаюсь, потому что в качестве идеалиста ты склонен к идеализации, *ergo*, нельзя слишком полагаться на твои впечатления.

— Положим. Но откуда ей знать, как меня зовут?

— Я уверен, она тебя просто мистифицировала. Быть может, ты сам в разговоре назвал ей себя, а она воспользовалась этим, чтобы поинтересовать тебя.

— Ну вот видишь, выходит по-моему: ты уже стараешься свести мое приключение на ноли. Напрасно я рассказал тебе.

— Не горюй, я ухожу, и ты на свободе можешь опять воображать себе что угодно.

Приятели распрощались.

Палтов посидел немного, но тишина и одиночество так давили его, что он не выдержал и вышел на улицу.

II

Наступили летние каникулы. Палтов собирался ехать к тетке в подмосковную. Гординский звал его с собой в Виленскую губернию, где жила его семья: мать-вдова, добродушная и хлебосольная старушка, и две сестры, девушки двадцати и восемнадцати лет.

Палтов уже гостил у товарища и не прочь бы был поехать с ним, но ему не хотелось обидеть тетку, и он дал слово Гординскому приехать к нему в половине июля. Тем не менее, приятели решили вместе выехать в Москву.

Сборы их были недолги и наконец назначен был день отъезда.

Ничто за эти две недели, что прошли со времени описанного в первой главе приключения, не напоминало им о незнакомке, и мало-помалу они забыли о ней.

Палтов сидел у себя в номере и скучал невыразимо. Как всегда бывает при сборах в дорогу, время тянулось страшно медленно, делать было нечего, потому что казалось, что не стоит приниматься за дело, и Палтов нетерпеливо ждал Гординского, который обещал зайти вечером. Резкий звонок заставил его вздрогнуть. В передней кто-то говорил с хозяйкой. Он прислушался, это не был Гординский.

В дверь его робко постучали, Палтов отворил и впустил в комнату девочку лет тринадцати, бедно и грязно одетую и растрепанную. Глаза ее дико блуждали по сторонам, а лицо казалось испуганным. Палтов с недоумением разглядывал ее.

— Тебя к кому послали, девочка? — спросил Палтов, желая ободрить ее.

Девочка не ответила. Молча и торопливо сунула она Палтову в руку крошечный конверт и, пока он читал адрес, она проскользнула в дверь и исчезла.

Палтов разорвал конверт. На розовой, надушенной мускусом бумажке было написано:

— Приходите сегодня вечером.

Алис.

Дальше следовал адрес. Палтов спрятал записку в карман и погрузился в размышления.

Приход Гординского оторвал его от них.

Палтов показал ему записку. Приятель усмехнулся.

— А! объявилась, голубушка! — с довольным видом сказал он. — Ты, конечно, отправишься?

— Разумеется, — ответил Палтов.

И он с лихорадочной торопливостью стал собираться.

Вместе вышли они с Гординским на улицу и разошлись в разные стороны.

Палтов скоро разыскал дом и обратился к стоявшему у ворот дворнику с вопросом:

— Где квартира № 17?

— Во дворе налево.

— Разве не по парадной лестнице? — спросил Палтов, которому почему-то показалось, что Алис не может жить во дворе.

— Никак нет-с. Вон пожалуйста по той лестнице в третий этаж. Там самый семнадцатый № и есть. Инженер живут.

— Как инженер? Там барышня живет.

Дворник хитро улыбнулся.

— Барышня у нас есть в пятом, а в семнадцатом инженер.

Палтов поднялся в третий этаж по вонючей и грязной лестнице и отыскал квартиру № 17.

На двери была прибита огромная никелированная доска с выпуклыми медными буквами:

Инженер, электротехник и механик Девильсон.

Палтов, недоумевая, дернул звонок.

Дверь полуотворилась. Из нее выставилась седая голова безобразной, похожей на ведьму старухи и сердито спросила:

— Кого?

— М-не Алис здесь живет? — осведомился Палтов.

— Здесь. Что надо?

— Можно ее видеть?

— Сейчас узнаю.

Дверь захлопнулась, замок щелкнул, и Палтов остался на площадке.

Ему вдруг стало досадно.

«Черт знает что такое! — думал он. — Ездит на рысаках, а живет как мешанка. А тут еще какой-то инженер. Верно у него семья, ребятишки...

Дверь снова отворилась. Старуха впустила Палтова и, не предлагая ему раздеться, повела его по темному и узкому коридору.

Коридор этот показался Палтову бесконечно длинным. Он с облегчением вздохнул, когда старуха распахнула дверь в большую комнату и, сказав: — «Здесь подождите», — ушла.

Палтов снял шинель, бросил ее на спинку стула у двери и огляделся. На первый взгляд комната казалась прекрасно убранной. Тяжелые малиновые драпри, пушистый ковер по всему полу, множество картин в дорогих рамах, бархатные скатерти на столах, масса рассеянных там и сям безделушек, все это бросалось в глаза.

Но когда Палтов, в ожидании хозяйки, присмотрелся к обстановке, он убедился в ее показном великолепии и удивился царствовавшему в ней беспорядку. Картины, покрывавшие стены сверху донизу, почти сплошь состояли из олеографий. Обои были оборваны и ветхи. Ковер при ближайшем рассмотрении оказался вытертым и вылинявшим, занавески были все в заплатках и очевидно отслужили свой век.

Палтов в раздумье опустился в кресло. Вдруг позади его раздался странный звон. Он обернулся и увидел в углу за креслом железного рыцаря, составленного из обыкновенных железных доспехов, которые продаются во всех оружейных магазинах. Щит качался и звенел. Палтов придержал его рукой, и ему показалось, что внутри доспехов кто-то стоит. У него явилось неприятное ощущение и, чтоб не иметь этого рыцаря за спиной, он перешел на другое кресло.

В эту минуту вошла Алис. Она была, по-видимому, очень оживлена и приветливо протянула Палтову руку.

— Идите сюда, Борис Петрович; тут уютнее, — сказала она, раздвигая драпри и проходя в другую комнату.

Палтов последовал за ней. Раньше он не заметил этой двери. Алис, войдя, расположилась на кушетке и указала гостю место около себя на пуфе. Он молча повиновался, плохо различая в первую минуту предметы. Это происходило от того, что окна наглухо были забиты коврами, а комната слабо освещалась боль-

шим, пестрым фонарем, спускавшимся с потолка. Она была загромождена низкой мягкой мебелью в восточном вкусе и заставлена цветущими и пахучими растениями, от которых в спертom воздухе распространялся одуряющий аромат. Кроме того, в комнате было сильно накурено и набрызгано духами. У Палтова скоро заболела голова. По временам ему казалось, что с полу поднимается острая волна алкоголя и мускуса и, подступая к горлу, захватывает ему дыхание.

— У вас слишком надушено, — сказал он Алис: — разве вы не чувствуете головной боли?

— Нет, я привыкла. Я не могу жить без духов. Расскажите мне, Борис Петрович, что вы подделывали?

Палтов в нескольких словах сообщил ей, что занятия в университете кончились, что он уезжает с товарщиком в Москву и думает провести в ее окрестностях часть лета.

— Я тоже скоро уеду отсюда, — сказала она, — и, представьте, тоже в Москву. Быть может, мы там увидимся.

Палтов рассеянно слушал ее. Голова его тихо кружилась, но первое неприятное впечатление отчасти изгладилось, и запах духов начинал казаться ему приятным.

— Что же это мы замолчали? — начала опять Алис. — Это оттого, что я — плохая хозяйка. Хотите кофе или чаю? Я сейчас велю подать.

Палтов попросил ее не беспокоиться, но она позволила и на звонок вошла та самая девочка с диким взглядом и испуганным лицом, которая приносила ему записку. Алис приказала ей подать кофе.

Девочка вернулась тотчас же и принесла на маленьком подносе две крошечные и вычурные китайские чашечки. Одну она поставила перед гостем, другую перед хозяйкой. Она двигалась по комнате бесшумной

легкой тенью и, исполнив все быстро и ловко, неслышно удалилась. Палтов подумал, что девочка хорошо вымуштрована.

— Как вы хорошо сделали, что пришли, — заговорила Алис. — Я боялась, что вас не застанут. Я все время сижу дома. Кажется, я немного простудилась, и доктор советует мне не выходить.

Палтов заметил, что она взволнована и говорит с каким-то лихорадочным, неестественным возбуждением. Она действительно казалась не совсем здоровой. Бледное лицо ее с ярко-горевшими глазами носило следы тайного страдания. И все-таки оно сияло такой жгучей, пленительной красотой, что Палтов не мог оторвать от нее взгляда. Она была в черном платье, которое придавало ей грустный вид и еще резче оттеняло ее бледность.

— Вы сегодня не в духе, — сказала Алис. — Что вы не пьете ваш кофе?

Палтов действительно и не притронулся к чашке. Кофе казался таким крепким и черным, а у него и без того тяжела была голова.

— Благодарю вас, что-то не хочется, — ответил он.

— Пейте, пожалуйста. Кофе отличный.

— Но вы сами не пьете. Посмотрите, ваша чашка совсем остыла.

— Вы отбиваете у меня аппетит. Выпейте хоть немного, за мое здоровье.

Она улыбнулась.

— За ваше здоровье, извольте! — согласился Палтов и отпил глоток.

Кофе показался ему горьким, затхлым и неприятным. И все кругом ему начинало очень не нравиться. И эта уединенная квартира, в которой, казалось, не было ни души, и эта комната, темная, пропитанная нездоровыми ароматами, и девочка с диким взглядом,

и рыцарь в железных доспехах в гостиной, откуда время от времени доносился странный, зловещий звон.

Сама Алис показалась ему какой-то неестественной и не той, что была она прежде.

Но красота ее действовала на молодого человека так обаятельно, что он не мог относиться к ней неприязненно, и она возбуждала в нем странную жалость.

«Она, должно быть, несчастлива, — думал он, — ей не слишком-то хорошо живется. И кто эти люди, у которых она снимает комнату? Быть может, она совсем не то, что говорит».

— Как вас зовут? — тихо спросил он.

— Алис, вы знаете.

— Нет, ваше настоящее имя. Я хочу знать его.

— Теперь я вам не могу сказать его.

— И прошлый раз вы говорили тоже. Отчего вы не хотите быть со мной откровеннее?

— Теперь это неудобно, — загадочно сказала Алис.

— После, в Москве, я вам все скажу.

— Я думал, вы живете одна, не в семействе, — сказал Палтов.

— Не все ли равно? Вам не нравится квартира?

— Дело не в том, квартира, правда, не идет к вам. Но я почему-то воображал вас совсем в иной обстановке... Впрочем, к чему говорить об этом?

Палтов замолчал. Ему хотелось бы вызвать Алис на откровенность, расспросить ее, узнать кто она, но он не умел приступить к этому.

Она была молчалива и тиха. Палтов глядел на нее и не узнавал в ней той остроумной и веселой собеседницы, которой она была в первый раз.

Она говорила неохотно и машинально, точно отвечала заученный урок. Не находя предмета для разговора и, очевидно, тяготясь этим, она беспрестанно напоминала ему о кофе и угощала им.

Палтов наконец решительно отказался. На губах Алис мелькнула едва заметная усмешка. Она вдруг стремительно поднялась с места.

— Мне нужно распорядиться... я сейчас, — быстро проговорила она. — Вот, займитесь пока.

И, подав Палтову большой, тяжелый плюшевый альбом, она вышла из комнаты.

Палтов раскрыл альбом и без особенного внимания стал рассматривать карточки, преимущественно женские. Все это были нарядные и кокетливые дамы, очевидно, принадлежавшие к артистическому кругу или к полусвету. Молодые, старые, красивые и банальные женские лица мелькали перед Палтовым бесконечной вереницей. А хозяйка все не возвращалась.

Вдруг Палтов ощутил острую боль в виске и в ту же минуту почувствовал, что голова у него стала еще тяжелее, сердце точно сжала железная рука, а лоб и виски покрылись холодным потом.

Он чуть не выронил альбома из рук, поспешно положил его на столик, шатаясь, поднялся с места и инстинктивно, ища свежего воздуха, пошел к выходу. Машинально накинул он на плечи по дороге свою шинель и добрался через мрачный коридор и совершенно темную переднюю до выходной двери. Он толкнул ее. Она оказалась незапертой.

Свежий воздух ободрил Палтова. Он уже начал спускаться вниз, как дверь сзади с шумом распахнулась и на площадку, бледная, с искаженным от ужаса лицом, выбежала Алис.

— Вернитесь, вернитесь! — закричала она.

Голос ее звучал страдальчески и властно.

Палтов молча глядел на нее широко раскрытыми глазами, не находя слов и почти не понимая, что она говорит.

В глубине квартиры до слуха его внезапно донесся резкий крик птицы и звон упавшей посуды.

Чья-то рука грубо ухватила Алис за плечо и втащила за дверь, которая с силой захлопнулась.

Палтов медленно сошел с лестницы, в изнеможении взял у ворот первого попавшегося извозчика и, разбитый и потрясенный, добрался до своей комнаты.

На другой день он с Гординским выехал из Петербурга. Какое-то смутное чувство не то стыдливости, не то боязни шуток и насмешек со стороны последнего удерживало Палтова: он ничего не сказал Гординскому, и на все вопросы его о прекрасной незнакомке отвечал общими местами.

III

Палтов уже с неделю жил в Москве. Раза два он был в гостях у своей тетки в подмосковной, но не спешил переезжать к ней, отчасти потому, что его задержали дела и ему хотелось возможно скорее покончить с ними и с адвокатом, а отчасти потому, что Гординский, получив из родной семьи деньги на дорогу, не спешил уезжать, увлекшись московскими увеселениями, и все предлагал товарищу подождать его с тем, чтобы выехать вместе к его родным. Палтов уже раз был у него на рождественских каникулах. Его очень полюбили в семье Гординского, и теперь он сам начал подумывать, что, пожалуй, ему там будет веселее, чем в чопорном и скучном доме его тетушки. Кроме того, младшая сестра Гординского, панна Эмилия, произвела на него тогда довольно сильное впечатление, и Палтов не без удовольствия вспомнил об этом и, если бы не дела, легко согласился бы на доводы приятеля.

В один вечер, когда Гординского не было дома, Палтов вышел пройтись на Тверской бульвар. Было душно. Тяжелая черная туча медленно ползла с востока и обещала разразиться ночью грозой. Палтов шел задумавшись, без определенной цели.

Редкие капли дождя начали падать на землю. Поднялся ветер и погнал по усыпанным песком дорожкам опавшие листья. Палтов присел на скамейку и задумался. Мысли его перенесли в Петербург и он с необыкновенной живостью и яркостью припомнил первую встречу свою с Алис и потом свой визит к ней.

За последнее время он как-то совсем забыл о ней и теперь сам удивился, как пришла ему в голову вся эта недавняя история. Думая об Алис, он смотрел на проходивших, и внимание его вдруг привлекла одна пара, — высокий видный господин с седой бородой, в светлом пальто и в черном цилиндре, и его дама. Последняя особенно заинтересовала Палтова. Она вся была закутана в длинную, соломенного цвета мантилью, а лицо ее было закрыто темным непроницаемым газовым вуалем. В ее фигуре, во всех ее движениях, в повороте ее головы Палтову мелькнуло что-то знакомое; он тщетно старался припомнить, кого она ему напоминала.

Дама вдруг круто повернула в его сторону и села рядом с ним. Палтов вежливо подвинулся. Когда он поднял глаза, невольно ища спутника дамы, он с изумлением убедился, что тот уже исчез.

— Борис Петрович, это вы? — проговорила незнакомка.

Палтов вздрогнул. Это была Алис.

— Я тотчас же заметил вас, — сказал он. — В вашей фигуре и в ваших манерах есть что-то особенное. Мне кажется, я отличил бы вас из тысячи. Но я все-таки был далек от мысли, что встречу вас.

Алис тревожно оглянулась.

— Хотите пройтись?

— Пожалуй, — сказал Палтов. — А где же ваш... кавалер?

— Он ушел. Это друг нашего семейства. Ему нужно было тут зайти по делу.

Палтов предложил ей руку, и они пошли по одной из боковых дорожек. Там никого не было. Гуляющие быстро расходились, спеша по домам. Капли дождя падали все чаще и чаще. Красная полоса заката почти

потухла. Ветер усилился и шумел в верхушках старых лип.

— Куда же мы пойдем? — сказал Палтов. — Начнется дождик.

— Куда? — переспросила Алис. — Я живу здесь в нескольких шагах. Только ко мне сейчас нельзя...

Она несколько замялась.

— Неудобно. Я должна предупредить о вашем посещении своих родных. Что скажут, если я приведу вас так прямо, с прогулки?

Все это она проговорила смущенным тоном, очевидно стесняясь и чувствуя себя не совсем ловко. Палтов поспешил успокоить ее.

— Быть может, вы зайдете ко мне? — робко предложил он. — Это тоже близко.

— А вы один?

— Совершенно.

Но тут он вспомнил про Гординского и прибавил:

— Впрочем, со мной товарищ. Но он может не прийти. Я даже думаю, что он не вернется.

— А если?..

— Я скажу, что у меня гости. Впрочем, во всяком случае, так рано он не вернется.

— Нет, — сказала Алис, — я зайти к вам не могу. Я напишу вам.

— И опять пришлете девочку? — спросил Палтов.

— Какую девочку? — удивилась Алис.

— Ту, которая приносила мне записку в Петербурге!.

— Ах, да! Не знаю. Может быть, ее.

— Значит, эта девочка всегда с вами?

— Нет. Но не все ли равно? Она служит у моих знакомых.

— А старуха?

— Старуха? Какой вы любопытный. Старуха — моя старая нянька.

— И тоже всегда с вами?

— Ну, конечно. Но что вам за дело до всего этого?

— Как странно, — сказал Палтов, — что я встретился с вами именно в тот момент, когда думал о вас.

— Да, действительно странно, — согласилась Алис.

— Ведь я тоже шла и думала о вас.

— Вы шутите?

— Ничуть. Я даже докажу вам это. Я думала о вас не только несколько минут тому назад, но целый день. Утром я посылала в адресный стол, чтобы узнать, где вы живете. Я уверена была, что вы уже приехали в Москву.

— Не может быть! — воскликнул Палтов.

— Я ведь вам сказала, что докажу, — сказала Алис.

— Справка адресного стола у меня в кармане.

Она действительно вынула из кармана скомканный бланк адресного стола и подала его Палтову. Тот с изумлением поглядел на него, внимательно прочел свой собственный адрес и сказал:

— Но, послушайте, вы, значит, хотели меня видеть?

— Я непременно хотела вас видеть, — загадочно произнесла Алис.

Бульвар кончился.

— Позвольте мне проводить вас до дому, — сказал Палтов.

— Не надо.

— Почему же?

— Нет, пожалуйста, не надо. Теперь идите домой. Я хотела сегодня написать вам, но сегодня уж не нужно, так как мы уже виделись, а на днях я вам дам о себе знать. Может быть, я попрошу вас прийти ко мне. Вы придете?

— Приду, — ответил Палтов.

— Вы не трус?

— Нет, насколько я знаю. Почему вы это спрашиваете?

— А помните, в тот раз? Вы испугались. Вы убежали, не простившись.

— У меня закружилась голова.

— Нет, вы испугались.

— Не вспоминайте об этом, Алис.

— Вам неприятно?

— Да. В той обстановке, которая окружала вас тогда, было что-то зловещее. Я действительно испугался, только не за себя, а за вас. Какая это птица там закричала?

— Птица? Не знаю, это вам показалось. Но не будем говорить об этом. Во всяком случае, вы придете. Прощайте.

Она протянула ему руку, кивнула головой и быстро перешла на другую сторону улицы.

Палтов несколько времени стоял и следил за ней. Он видел, как ее стройная фигура скрылась за первым углом. Тогда он направился домой.

Эта встреча с Алис взволновала его, и он долго не мог заснуть и все думал о ней, о том, что скоро ее увидит. Она казалась ему такой обаятельной и прекрасной, а окружавшая ее таинственность так привлекала и интриговала его, что он совершенно забыл и панну Эмилию, и свое намерение поехать гостить к Гординскому.

Он заснул только под утро беспокойным и тревожным сном, но и то ненадолго. Его разбудил Гординский, вернувшийся, по обыкновению, в кураже и тотчас начавший ему рассказывать о своих похождениях.

Палтов рассеянно слушал его.

— Э, брат, да ты, я вижу, спишь совсем, — сказал Гординский. — И что у тебя за манера такая: сидит человек, как медведь в берлоге.

Палтов взглянул на приятеля и подумал:

«Рассказать ему или не говорить?»

И тотчас же решил ничего не говорить.

Долго еще рассказывал, рассуждал и напевал куплеты Гординский. Наконец он успокоился и заснул.

Палтов взглянул на часы. Был седьмой час. Он решил встать и одеться. Гординский крепко спал. В меблированных комнатах было тихо, и ничто мешало Палтову думать об Алис. В восемь часов он, по привычке, велел подать самовар и налил себе стакан чаю, но и не дотронулся до него. Ему попалась на глаза книга, оставшаяся раскрытой со вчерашнего дня, и он принялся перелистывать ее.

— Эге, да ты, как подобает скромному юноше, давно уже встал и за книжкой сидишь? — сказал Гординский. — Голубчик, налей мне чайку, смерть не хочется вставать.

Палтов налил ему стакан чаю, поставил его перед ним на стул и присел в ногах приятеля на диван.

— Послушай, Гординский, — сказал он, — а ты когда же думаешь ехать?

— Домой-то? — переспросил Гординский. — Голубчик, да на какие пенензы ехать? Вчера я просвистал все, что у меня было.

— Как это глупо, — сказал Палтов.

— Разумеется, глупо, но ведь, черт возьми, не всем же быть умниками. Умные вещи ужасно скучны.

— Поезжай скорее, — сказал Палтов, — я дам тебе денег на дорогу.

— А ты?

— Я останусь.

— Неужели надумал переехать к тетушке?

— К тетушке или нет, но мне еще нельзя уехать из Москвы, — уклончиво ответил Палтов.

— Как это нельзя?

— Нельзя. Ты знаешь, у меня дела. Адвокат говорит, что надо исполнить еще какие-то формальности.

— Врет все твой адвокат. Смотри, объегорит он тебя.

— Ну, что за вздор! он человек с репутацией. Серьезно, Гординский, поезжай скорей домой. Подумай, там ждут тебя с таким нетерпением, а ты здесь кутишь, расстраиваешь свое здоровье, тратишь деньги. Согласись, это нехорошо.

— Чудак-человек! Да ведь я ради тебя сижу в Москве.

— Ну, вот я и прошу ради меня не сидеть.

— Да что ты пристал ко мне? Ну, уеду. Не сейчас же мне торопиться на поезд? И что тебе вздумалось? Ужасно на тебя не похоже.

В дверь просунулась голова горничной.

— Можно взять самовар? — спросила она.

— Можно, — ответил Гординский.

— А вас там посыльный ждет, — обратилась горничная к Палтову. — Ведь вас Борис Петрович звать?

— Посыльный? — необыкновенно оживился Палтов. — Где же он?

— Там. Его сюда позвать?

— Пожалуйста, позовите. Ила нет, я сам.

И Палтов выбежал из комнаты.

— Это еще что за послание? — иронически осведомился Гординский, когда Палтов вернулся.

Палтов распечатал конверт, вынул оттуда небольшой клочок бумаги, на котором торопливым беспорядочным почерком было написано: «Сегодня в то же время, там же, где вчера». Подписи никакой не было.

Палтов с недоумением вертел клочок в руках. Бумага была серая, очевидно, оторванная на скорую ру-

ку от чего попало. Почерк показался ему совсем незнакомым. Но он не сомневался, что эта записка была от Алис. Пока он рассматривал ее и сетовал на Алис за ее страсть к мистификациям, Гординский вскочил с дивана, осторожно подкрался к нему сзади и, заглянув через плечо, прочел то, что было написано.

— Поздравляю! — воскликнул он. — То-то ты такой тихоней смотришь. Сидит и никуда ехать не хочет. Я думал, он это из скромности, а вот что оказывается.

— Это свинство! — с досадой сказал Палтов.

— Что это свинство?

— Читать чужие письма.

— Скажите пожалуйста! Да разве это письмо? Это, голубчик мой, в лавочке какой-нибудь Иван Сидоров для безграмотной дамы в платочке написал. Судя по посланию, Дульцинея твоя не из важных.

— Перестань, пожалуйста, болтать глупости, — сказал Палтов: — это ты способен заводить знакомства с безграмотными горничными.

— Боже мой, какой гонор, подумаешь! — возразил Гординский. — Только вот что, друг любезный: герцогини могут быть безграмотными и даже, кажется, им полагается быть безграмотными, но зато уж никогда герцогиня не напишет любовной записочки на такой бумаге и не пошлет ее в таком конверте, да еще через посыльного.

— А почему ты знаешь? — возразил Палтов. — Может быть, герцогине нужно, чтобы вот такой дурак, как ты, именно не подумал, что она герцогиня, а принял бы ее за горничную.

— Ну, это другое дело, — согласился Гординский. — Только на что же я герцогине? Откуда ей подозревать мое присутствие? Ведь она имеет дело только с тобой, а в твоих глазах, я полагаю, и герцогине выгоднее быть все-таки герцогиней. Или, быть может, ты был настоль-

ко добр, что рассказал своей герцогине, что есть у тебя такой добрый друг Гординский, который чрезвычайно тебя любит и готов за тебя в огонь и в воду...

— Ничего я не рассказывал, — перебил его Палтов. — И что у тебя за манера тотчас же постараться всему придать пошлый оттенок? Вот хотел сказать тебе, от кого эта записка, а теперь не скажу.

— Скажи, голубчик, пожалуйста.

— Нет, не скажу. И не скажу еще потому, что ты тотчас же расхолодишь меня. Ты любишь все ординарное, обыкновенное, понятное, объяснимое, словом, то, что встречается на каждом шагу, в чем нет ничего удивительного и что, пожалуй, не заслуживает большого внимания. Словом, в тебе нет ничего романического.

— А ты? Не правда ли, ты как раз наоборот?

— Да. Меня привлекает все таинственное, загадочное. Я верю в предчувствия, в судьбу, терпеть не могу пошлости... и... и, пожалуйста, оставь меня в покое.

— А помнишь Алис? — вдруг спросил Гординский.

Палтов, присевший перед тем опять на диван, вскочил, как ужаленный.

— Почему ты вспомнил ее?! — вскричал он.

— Да что ж тут удивительного? Потому и вспомнил, что тоже было что-то таинственное, загадочное, необъяснимое и непонятное, как ты говоришь, а кончилось все...

— Да ведь ты не знаешь, чем кончилось?

— Да совсем ничем не кончилось. Ну, и слава Богу! Потому что я тогда же увидел, что эта история до добра не доведет. А кстати, ты не встречал ее потом в Петербурге?

— В Петербурге не встречал, — рассеянно ответил Палтов.

— Ну, а в Москве, очевидно, не встретишь, раз она живет в Петербурге. Да что говорить о ней? Ты, кажется, сам забыл про нее.

— Нет я не забыл, — серьезно возразил Палтов. — Знаешь, эта женщина произвела на меня неотразимое впечатление.

— Постой,—сказал Гординский, — ты тогда ничего не скрыл от меня?

— Почему тебе это нужно знать?

— Так, у меня свои соображения.

— Ну, если хочешь, я видел ее еще раз.

— У нее.

— Да.

— Как же она тебе показалась?

— Она показалась мне очень несчастной,

— Ну вот! — воскликнул Гординский. — Так я и знал. Это самое опасное. Слава Богу, что мы тогда уехали из Петербурга.

— Довольно об этом, — прервал Палтов. — Как ты собираешься провести нынешний день?

— Ты, кажется, предлагал мне третьего дня ехать к твоей тетке. Если хочешь, поедем.

— Сегодня не могу, — сказал Палтов.

— Ах да, ведь у тебя, по-видимому, *rendez-vous*. Ну, тогда я не знаю, что делать. Опять закачусь куда-нибудь.

— Нет, — сказал Палтов, — вечером ты, пожалуйста, не уходи никуда. Может быть, ты мне будешь нужен, у меня есть какое-то предчувствие,

— Что с тобой, Борис? Ты на себя не похож. Скажи мне, пожалуйста, от кого эта записка?

— Теперь не скажу, потом ты узнаешь. Я ведь верю тебе, Гординский, и знаю, что ты мой друг. Так ты вечером дома?

— Непременно.

Весь этот день Палтов нетерпеливо ждал назначенного часа и, не выдержав, отправился на Тверской бульвар, гораздо раньше, чем предполагал. Он дошел до скамейки, на которой сидел вчера, опустился на нее и напряженно рассматривал гуляющих, не замечая времени и думая только об одном.

Так прошло около часа. Вдруг сзади кто-то слегка коснулся его плеча. Он обернулся и увидел того самого господина, который накануне провожал Алис. Палтов встал и приблизился к нему.

«Отчего она не пришла сама»? — мелькнуло у него в голове.

— А Алис? Мадемуазель? — обратился он с вопросом к господину.

— Она не совсем здорова, — проговорил тот. — Но вы, может быть, будете так добры навестить ее? Это близко, в двух шагах.

Палтову показались странным и манера, с которой держался этот господин, и лицо его, в котором было что-то фальшивое, и то, что он тотчас же пошел вперед, сделав Палтову знак следовать за собой. Палтов попробовал было поравняться с ним опять, но господин ускорил шаги. Раза два он обернулся к Палтову, как будто боясь, что тот отстанет от него или не пойдет за ним.

Они сошли с бульвара и повернули за тот угол, за которым накануне скрылась Алис, потом снова повернули за угол. Палтов, плохо знавший Москву, скоро совершенно потерял способность ориентироваться. Вдруг он увидел, как господин шмыгнул под ворота мрачного каменного дома. Палтов последовал за ним и увидел перед собой узкую, темную лестницу.

Господин шел вперед. По мере того, как они поднимались, лестница становилась все темнее и темнее. Палтов едва различал ступеньки. Наконец они оста-

новились у двери на площадке. Господин протянул руку, дотронулся до пуговицы электрического звонка и быстро отступил в темный угол. Палтов вдруг очутился перед раскрытой дверью, которая бесшумно открылась. Свеча тускло освещала маленькую переднюю. Палтов нерешительно вступил в нее и тотчас же инстинктивно обернулся назад, ища своего чичероне. Но того не было. Он точно провалился сквозь землю.

«Как это все странно! — подумал Палтов. — Туда ли уж я попал?»

В ту же минуту дверь сзади вдруг с шумом захлопнулась. Очевидно было, что кто-то затворил ее с площадки. Почти тотчас же послышались легкие и быстрые шаги, и в передней появилась знакомая Палтову девочка с черными, дико горящими глазами и сердитым, испуганным лицом. Она сняла с посетителя шпиль и проговорила:

— Пожалуйста в гостиную. Барышня сейчас выйдут.

Палтов вошел и сел на первый попавшийся стул. На столе перед диваном горела лампа. Но комната была так велика, что едва освещалась ею. Углы тонули во мраке, и сразу нельзя было составить понятия об обстановке. Несомненно было одно, что комната загромождена мебелью и вещами. Палтов недолго ждал. Он вдруг увидел в дверях следующей, неосвещенной комнаты Алис. Она медленно и неслышно подошла к Палтову, который вскочил при ее появлении и невольно сделал несколько шагов ей навстречу. На ней был широкий белый капот из мягкой шерстяной материи. Густые, пышные волосы ее были распущены и схвачены на затылке широким пунцовым бархатным бантом. Лицо ее горело, а глаза странно блестели. Она протянула Палтову обе руки. Он почувствовал, что они влажны, а взглянув пристальнее на Алис, убедился,

что она действительно больна. Она шаталась от слабости и казалась похудевшей.

— Сядьте скорее, — сказал ей Палтов, — вы, кажется, серьезно нездоровы. Что с вами? Вы лечитесь?

— Нет, — слабо улыбнулась Алис, садясь в кресло, — лечиться бесполезно. У меня душевный недуг.

— Что вы говорите?

— Меня преследуют галлюцинации. Мне все кажется, что я окружена врагами, и я тщетно ищу, кто бы мог защитить от них.

— А я?

— Хотите?

— Алис! — задушевым голосом прошептал Палтов. — Вы несчастны. Скажите мне все.

Алис поднесла палец к губам.

— Тс! Послушайте, — возвысив голос, продолжала она, — не находите ли вы, что здесь слишком мрачно? Зажгите вон те канделябры перед трюмо.

Палтов послушно стал зажигать свечи в массивных золоченой бронзы канделябрах.

Комната мало-помалу вся выделилась из мрака. В ней дарил необычайный беспорядок. Ценные вещи перемешаны были с дешевым хламом. Но изумлению Палтова не было границ, когда взор его случайно упал на рыцаря в стальных доспехах, стоявшего в углу. Он тотчас же узнал его. Это был тот самый рыцарь, который произвел на него такое неприятное впечатление в его первый визит к Алис в Петербурге или, по крайней мере, необыкновенно похожий на него.

— Как странно убранство этой комнаты, — сказал Палтов.

— Ничего нет странного, — возразила Алис. — Хозяин квартиры — антикварий.

— Он любитель или только торгует антиками?

— И то, и другое. Тут есть, впрочем, вещи, которых он не продаст ни за какие деньги.

— Например, этот рыцарь? — спросил Палтов. — Мне кажется, я видел его в петербургской вашей квартире.

— Его тогда только что купили и потом привезли сюда.

— Значит, и здесь вы живете у электротехника Девильсона?

Алис едва заметно улыбнулась.

— Тот остался в Петербурге. Он родной брат здешнего хозяина. Но не все ли вам равно?

Палтов не отвечал. Он кое-как добрался сквозь кучу сваленных и разбросанных на полу предметов до рыцаря и рассматривал его доспехи.

— Подите сюда, — повелительно крикнула Алис.

— Мне кажется, — сказал Палтов, — что в доспехах этих стоит человек. То же самое показалось мне и тогда.

— Какие глупости! — с досадой воскликнула Алис. — Подите же сюда и оставьте рыцаря.

— Я хочу снять с него шлем.

— А я вам запрещаю.

— Я начинаю думать, что в доспехах действительно прячется человек, — сказал Палтов. — Отчего вы так упорно не позволяете мне дотронуться до него?

— Это мой каприз. Подите же сюда, или я рассержусь. Рыцаря не смейте трогать.

Палтов отошел и сел рядом с Алис.

— Вы желали меня видеть, — начал он. — Что хотели вы мне сказать?

В это время в гостиную вошла девочка, встретившая Палтова. Она молча поставила на стол тарелку с пятью апельсинами и, положив перед Алис и ее гостем

по небольшому серебряному десертному ножичку, так же тихо и незаметно удалилась, как появилась.

— Теперь еще не время, я хочу испытать вас, — ответила на вопрос Палтова Алис.

И, взяв с тарелки один апельсин, она проворно очистила его своими тонкими, длинными пальцами с розовыми ногтями и жадно принялась глотать дольку за долькой.

Из угла, где стоял рыцарь, вдруг послышался звон.

— Кушайте апельсины, — предложила Алис.

— Вы слышали? — вместо ответа спросил Палтов, неприятно пораженный этим звоном.

— Что такое? Я ничего не слышу. У вас расстроенны нервы, ешьте апельсин: это освежит вас. Погодите, я сама очищу для вас.

И, говоря это, Алис выбрала один из апельсинов, взяла ножичек, положенный перед Палтовым, и разрежала апельсин сначала на половинки, потом на четыре доли, потом каждую четвертушку еще пополам.

— Вы должны съесть все это, — сказала она, — чтобы мой труд не пропал даром.

Палтов поблагодарил и стал есть приготовленный для него апельсин.

Не успел он проглотить двух кусочков, как им овладело что-то похожее на забытье. Он смутно соображал, что Алис оживленно рассказывает ему что-то, но что именно, это ускользало от него. Машинально он стал глотать один кусок за другим. Вдруг он заметил, что Алис отделяется от дивана и точно поднимается вверх. В ту же минуту послышался резкий звон рыцарских доспехов. Палтов вздрогнул. Безотчетная тревога наполнила его душу. Он сделал над собою усилие и попробовал приподняться. Тогда он заметил, что кресло, на котором сидела Алис, было пусто. Шатаясь, подошел он к трюмо. Со стекла взглянуло на него страшно

бледное лицо с широко раскрытыми глазами и необычайно расширенными черными блестящими зрачками. Он понял, что это его лицо. Ему стало страшно. Почти в тот же момент он ощутил сильную острую боль в висках и сердце. Он хотел как можно скорее бежать из этой комнаты на свежий воздух, но ноги его точно налились свинцом и приросли к полу, так что ему казалось, что он не может отделить их от него. Что-то похожее на отчаяние шевельнулось в его груди.

Рыцарские доспехи снова зазвенели, на этот раз особенно сильно. Какой-то человек подошел к нему, — перед Палтовым, как во сне, мелькнуло его лицо, темное, как у негра, — сильно схватил его за руку и повлек за собой. Палтов потерял сознание.

Когда он очнулся, он увидел себя на улице. Он сидел на ступеньках какого-то крыльца. Прямо над его головой горел фонарь. Там и сям блестели маленькие тусклые огоньки уличных фонарей. Приглядевшись, Палтов рассмотрел красные вывески дешевой портерной и понял, что, должно быть, здесь оставил его незнакомец. Инстинктивно он ощупал свои карманы. Его часы были целы, также и его бумажник с мелкими кредитными билетами. На нем были его шинель и фуражка. Ему не сразу удалось припомнить, что с ним случилось. Сердце его болезненно ныло, в висках стучало, и по спине острой струйкой пробежал холод.

Он встал, шатаясь, но тотчас же понял, что идти пешком не может. Местность, в которой он находился, ему была совершенно незнакома. Заметив проезжавшего мимо извозчика, он окликнул его, не торгуясь сел и велел везти к себе на квартиру.

Гординский, ожидавший, его как обещал, был поражен его видом. Палтов не стоял на ногах. Бледное лицо его было смочено каплями холодного пота. Приятель раздел его, уложил в постель, укрыл одеялами,

пледом, шинелью и побежал за доктором. Всю ночь провозился он с Палтовым, которому к утру стало гораздо лучше. Он даже мог встать, но слабость не покидала его. При малейшем усилии в глазах у него темнело, сердце болезненно замирало.

— Что с тобой? Откуда ты вчера приехал? — приставал Гординский.

— После, — отмахивался тот. — Я расскажу тебе потом.

Много раз Палтов порывался передать Гординскому подробности этого вечера, но все не решался.

Через несколько дней он настолько окреп, что мог уже выходить на улицу. Тем не менее, тайный недуг с каждым днем все более и более подрывал его силы. Он заметно худел, почти потерял аппетит, стал страдать бессонницей и мучительными галлюцинациями. Гординский, сначала было успокоившийся насчет здоровья своего друга, встревожился и уговорил его поехать к одной из московских медицинских знаменитостей.

Профессор осмотрел его, расспросил, выслушал и объявил, что это следствие сильного нервного напряжения. Гординский заставлял Палтова самым аккуратнейшим образом принимать прописанную им микстуру и пилюли, в назначенный час ложиться, вставать и гулять, делать холодные обтирания. Но все эти средства не достигали цели. Состояние духа Палтова было угнетенное. Ежеминутно он ждал известия от Алис, напряженно прислушивался ко всякому шуму и, мало-помалу, нервы его расшатались до крайней степени.

Но об Алис не было ни слуху, ни духу.

Гординский не знал, что предпринять. Он уже получил несколько писем от родных, которые умоляли его приехать поскорее, но оставить товарища в таком ужасном положении он не решался. Снова повез он

его к профессору. Узнав от Гординского, что Палтов человек богатый, недавно получивший большое наследство, знаменитый врач тотчас же предписал ему совершенно изменить образ жизни и обстановку. Он посоветовал ему нанять светлую просторную дачу и жить на лоне природы, строго исполняя все его предписания.

Палтов мог бы переехать к тетке, но его пугала скука, царившая в ее доме, и стесняло то, что его болезнь внесет в него суету и беспокойство. Гординский стал тогда убеждать Палтова уехать с ним из Москвы и поселиться в его семье, но Палтов так решительно воспротивился, что даже изумил товарища.

Впрочем, через несколько дней уже нечего было думать о переезде куда бы то ни было. Палтов совершенно обессилел. По целым дням он лежал на диване с закрытыми глазами, в состоянии полузабытья. Когда Гординский убедился в том, что болезнь его приятеля перешла в более тяжелую форму, он пришел в отчаяние. Вне себя, он кинулся к лечившему Палтова профессору и, объяснив ему, в каком положении его друг, просил его приехать. Тот явился, осмотрел больного, расспросил самым подробнейшим образом Гординского, причем все время лицо его хранило недоумевающее выражение и, наконец, сказал:

— Знаете ли, это совершенно необыкновенный случай! Я становлюсь в тупик. По моему, с ним все кончено. Он вот так и умрет, как лежит сейчас, так что вы и не заметите. Все признаки отравления крови. Где и как мог он заразиться — не понимаю. Я отказываюсь быть ему полезным. Это верная, хотя и медленная смерть.

Гординский умолял его сделать все, что он может, и тот обещал ему попробовать, хотя не ручался за успех.

Когда профессор уехал, Гординский сел около Палтова и долго всматривался в его бледное, исхудалое лицо. Заметив, что тот не спит, он сказал:

— Борис, скажи мне, пожалуйста, что ты чувствуешь?

— У меня очень болит голова, — слабо ответил Палтов. — Это кто сейчас был?

— Доктор. Борис, что с тобой случилось? Ты серьезно болен. Может быть, от твоей откровенности зависит твое спасение.

Палтов молча отвернулся к стене.

К вечеру ему стало несколько лучше. Профессор, опять посетивший его, изумился.

— Вся надежда на природу. У него, кажется, крепкий организм, может быть, и выдержит.

Ночь сравнительно прошла спокойно, и Гординский даже позволил себе заснуть часа на два. Утром он заметил, что Палтов спал крепким и покойным сном. Чего с ним давно уже не было, он с аппетитом выпил стакан чаю и съел небольшой кусочек французской бужи.

Среди дня опять заехал профессор. Гординский с восторгом передал ему свои наблюдения над больным, но тот только нахмурился.

— На это, голубчик, не смотрите, — сказал он ему. — Это ненадолго. Припадки опять возобновятся и в сильнейшей степени. Нам еще предстоит длинная и упорная борьба, и я не решусь сказать, что мы победим.

Вечером Палтову подали письмо, и вот что в нем было написано: «Вас просят выдать двадцать пять тысяч рублей. Вы отравлены сильным, постепенно убивающим ядом. Противоядие здесь неизвестно, да никто и не определит, чем вы отравлены. Завяжите двадцать пять тысяч кредитными билетами (непреренно кредитными и преимущественно крупными) в белый

платок и перевяжите его крест-накрест красной лентой. Деньги должны быть положены в четверг, в 9 часов вечера, на Тверском бульваре, на скамейку, что стоит против эстрады. Как только они будут получены, вам тотчас доставят лекарство и вы выздоровеете, Умоляю вас, не упорствуйте. Сделайте это для меня».

Палтов горько усмехнулся и протянул письмо Гординскому. Тот пришел в ярость.

— Это наглый шантаж! Послушай, этого нельзя так оставить. Я заявлю полиции.

— А я умру?!

— О, черт! Но кто же поручится, что они действительно имеют противоядие? Может быть, это ложь.

— Даже вернее, что ложь, — безнадежно согласился Палтов.

— Нет, это неслыханно. Я тебя спрашиваю: в Европе мы или в Азии? Надо, однако, положить им деньги. Но что я все говорю «они» да «им»? Кто такие эти «они»? Кто тебя так поддел? Что это за дикая история?

— Это Алис, — прошептал Палтов.

— Алис? — изумился Гординский. — Петербургская Алис! Она в Москве! Где же она живет?

— Не знаю.

— Ты был у нее?

— Был.

— И не знаешь ее адреса?

— Не знаю. Ни улицы, ни дома не знаю.

— Может быть, узнаешь улицу или дом, если тебе покажут их?

— Ничего не помню. Все мне представляется смутно, как во сне. Помню только негра.

— Какого негра?

— А может быть, это и не был негр. Он вытащил меня на улицу, именно вытащил, я, кажется, сам идти не мог, и бросил на ступеньках какого-то кабака.

— Черт знает что такое! — волновался Гординский.
— Да отчего же ты мне ничего не сказал?

— Ну, мало ли отчего не сказал. Однако, как же нам поступить?

— Непременно надо добыть лекарство и хоть для виду положить им деньги. Я уж что-нибудь придумаю. Вот что, я сейчас уезжаю.

— Куда ты?

— Нет, ты, пожалуйста, не мешай! Я заявлю кому следует. А во-вторых, ты дай мне чек, и я получу в банке двадцать пять тысяч. А там мы что-нибудь придумаем. Главное, срок-то короткий, — завтра, в 9 часов вечера, что тут успеешь сделать.

— А знаешь что, Гординский, — уныло и с отвращением сказал Палтов, — махнем на них рукой. Противоядия у них, наверно, нет, просто меня отравили. Я вот вспомнил, что ел там апельсин. В этом апельсине и был яд.

— И зачем ты ел апельсин? — с отчаянием вскричал Гординский. — Я не могу оставить этого дела.

— Как знаешь, мне все равно.

IV

Б в воздухе была разлита вечерняя прохлада. Было тихо и ясно. На западе, постепенно переходя в палевые тона, бледнела розовая полоса зари. Тверской бульвар был переполнен гуляющими. Было воскресенье. На эстраде лихо разыгрывал банальные, всем известные пьесы военный оркестр. Все скамейки были заняты, и толпа гуляющих непрерывно сновала мимо эстрады.

По одной из боковых дорожек, не спеша, шел Гординский. В нескольких шагах за ним следовал другой молодой человек, тоже студент. По-видимому, между ним и Гординским существовало какое-то тайное соглашение. Время от времени они обменивались друг с другом беглым выразительным взглядом. В кармане Гординского лежала пачка кредитных билетов, обернутая в носовой платок и перевязанная красной лентой.

Он посмотрел на часы. Было без пяти девять. Скамейка, на которую, следуя инструкциям, следовало положить деньги, была вся занята. Но это обстоятельство несколько не смутило ни Гординского, ни его спутника — переодетого сыщика. Не успели они приблизиться к ней, как один из сидевших поднялся, и Гординский тотчас же на свободное место положил белый узелок. Никто из сидевших на скамейке не выразил недоумения, так как это тоже были или переодетые полицейские, или сыщики, которые действовали по заранее выработанному плану. Предполагалось, что как только неизвестный, которому поручено было овладеть пакетом с деньгами, подойдет к скамейке и протянет к нему руку, он тотчас же будет арестован. Что же касается обещанного противоядия, в него не слыш-

ком-то верили служители общественной безопасности. Гординский, хотя и был противного мнения, не считывая на свои силы, положился вполне на полицейских. Прошло уж минут двадцать, а пакет все лежал, не привлекая ничьего внимания. Музыка по-прежнему гремела на эстраде, толпа по-прежнему сновала взад и вперед.

Начинало темнеть. Вдруг над головами кучки, собравшейся у скамейки, зашуршали листья. Гординский поднял голову и увидел большого старого ворона. Он сидел как раз над пакетом. Глаза его были устремлены на красную ленту. Они глядели умно, как у человека, и блестели синеватыми металлическими точками. Гординского заинтересовала эта птица. Он указал на нее кой-кому из присутствовавших. Ворон сидел так низко, что, поднявшись на цыпочки, его можно было достать рукой. Но он, по-видимому, не боялся людей. Он сидел совершенно спокойно, не шевелясь и, казалось, наблюдал гуляющих. Вдруг он резко каркнул. Все невольно закинули головы.

В эту минуту произошло что-то необычайное. Ворон вдруг камнем упал вниз и, прежде чем присутствующие сообразили, что случилось, он уже поднялся высоко кверху, унося перевязанный красною лентою пакет.

С секунду все были в каком-то оцепенении. Потом все сразу вскочили и стали следить за птицей. Кто-то сказал, что не худо бы принести ружье. Ворон, между тем, поднимался все выше и выше. По-видимому, ему отлично известна была дорога. Он хорошо понимал, что должен обмануть бдительность своих преследователей. Он быстро уносился вперед, не меняя раз принятого направления, и потом сразу, в виду наблюдавших, исчез, точно вдруг упал на землю.

Гординский и сыщики были в отчаянии. Отыскать ворона было невозможно. Не было сомнения, что ворон был отлично выдрессирован, что где-нибудь его поджидал человек, который перехватил у него пакет. Таким образом, все концы канули в воду. Гординский рвал на себе волосы от отчаяния. В сыском отделении его утешали, говорили ему, что нет такого дела и такого преступления, которое бы рано или поздно не раскрылось, но все эти утешения только выводили его из себя.

Мысль о том, что деньги унесены, и что Палтов умирает и, может быть, умрет, не давала ему покоя.

— Никакого у них нет противоядия, — говорил он себе. — Ах, мошенники!

Вся полиция была поднята на ноги, но найти ничего не удавалось. Сведения, сообщенные Гординским и Палтовым об Алис и об инженере Девильсоне, были слишком неполны, и полиции так и не удавалось напасть на руководящую нить. Впрочем, одно время все думали, что такую руководящую нитью явится инженер Девильсон. Почтенного инженера хотя и потревожили, но ничего не нашли. Инженер был человек бедный, семейный, он действительно был электротехник и механик. Жил он в грязной и сырой квартире, в которой сдавалась одна комната окнами на двор. Но комната эта совершенно не была похожа на ту, которую описывал Палтов. Когда инженера спросили, не знает ли он такой особы, которая носила бы имя Алис, то инженер ответил, что такой особы он не знает, что очень может быть, что такая особа и снимала у него когда-нибудь комнату, так как он по недостатку в средствах пускает к себе жильцов и случилось, что у него снимали комнату и «эти» дамы, но в лицо он ни одной из них не помнит и никогда ни с одной из них даже не говорил, потому что хозяйством

у него заведует жена, которая теперь уехала к родственникам на дачу. Когда ему рассказали о железном рыцаре, то он очень удивился и даже, кажется, хорошенько не понял, зачем это говорить и при чем тут железный рыцарь.

Что же касается антиквария Девильсона, то ни о каком таком антикварии он не имел понятия. Он показал, что братьев у него нет, и что, во всяком случае, если Девильсон этот и существует, то он ему совершенно не знаком.

Допросили дворников, просмотрели домовые книги, но так-таки ничего и не добились.

Все эти сыски и допросы были произведены немедленно, так сказать, по горячим следам, но Гординского это нимало не занимало. Теперь он думал не о двадцати пяти тысячах, а о том, будет ли прислано противоядие Палтову, который опять начинал себя чувствовать хуже.

«Сдержат или нет эти мошенники слово? — думал Гординский. — Наплевать на двадцать пять тысяч».

Так прошло с неделю. Палтов не поправлялся. Профессор испробовал над ним все средства. Гординский был мрачен и озлоблен. В один вечер он вышел на улицу подышать свежим воздухом, решившись оставить Палтова на несколько минут.

Мысли его неотступно вертелись вокруг способов спасти Палтова. Он шел, задумавшись и до такой степени погруженный в себя, что не замечал ничего. Вдруг мимо него прошел человек, который сильно толкнул его. Гординский не обратил было на него внимания, но рука его нащупала в кармане пальто какой-то холодный предмет. Он вынул его и увидел, что это была маленькая никелированная коробочка. Он с удивлением рассматривал ее. Потом он обернулся, ища глазами человека, который толкнул его, но ни спереди, ни сза-

ди не было никого, кто бы мог внушить подозрение. У Гординского сразу явилась мысль, что это должно быть обещанное противоядие, но он боялся поверить этому, чтобы после жестоко не разочароваться. Он тотчас же вернулся домой и раскрыл коробочку. В ней лежал, обернутый в маленький листок тонкой почтовой бумаги, плоский хрустальный флакончик с прозрачною ярко-красною жидкостью. На листочке было написано: «Благодарю. Посылаю обещанное. Ежедневно принимать одну каплю в рюмке холодной воды».

Гординский пришел в неописанный восторг. Он как-то сразу уверовал в целебность лекарства.

— Ты теперь спасен, брат! — восклицая он.

Палтов начал аккуратно принимать противоядие и быстро поправлялся. Гординский показал жидкость лечившему Палтова профессору. Тот совершенно не мог сказать, что это такое. Он попросил было у Палтова хоть каплю для того, чтобы произвести химический анализ и показать ее специалистам, но Гординский решительно отказал.

— Черт их знает, — говорил он, — почем знать, быть может, от этой одной капли зависит спасение Палтова. А ну, как они тут рассчитаны так, чтобы ни больше, ни меньше. Нет, уж я рисковать не хочу.

Через неделю Палтов поправился. Он даже посвежел и поздоровел. В один прекрасный вечер приятели выехали из Москвы в имение Гординского.

Полиции так и не удалось напасть на след ловких шантажистов, и дело это, вначале наделавшее шуму, мало-помалу заглохло.

Тест книги публикуется по первоизданию (СПб.: Кн. склад «Родина», 1894 // Собрание романов, повестей и рассказов. Ежемесячное приложение к иллюстрированному журналу «Родина» №4 за 1894 год) с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В оформлении обложки использована работа М. Чюрлениса.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.